

КУЛЬТУРА
РУССКОЙ
ДИАСПОРЫ:
ЗНАКИ И СИМВОЛЫ
ЭМИГРАЦИИ

Сборник статей

Редакторы А. А. Данилевский, С. Н. Доценко

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2015

УДК 7.01
ББК 71.04(3)
К90

*Сборник издан при поддержке Фонда
«Эстонский капитал культуры»
(Eesti Kultuurikapital)*

Культура русской диаспоры : Знаки и символы эмиграции :
К90 сб. ст. / ред. А. А. Данилевский, С. Н. Доценко. – М. : ФЛИНТА : Наука,
2015. – 240 с.

ISBN 978-5-9765-2370-8 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-038915-1 (Наука)

В сборнике публикуются статьи, посвященные различным аспектам истории русской диаспоры XX века. Исследователи из России, Эстонии, Латвии, Италии, Венгрии сосредоточились на изучении как проблем поэтики произведений писателей-эмигрантов (В. Набокова-Сирина, Г. Газданова, А. Ремизова, Дон-Аминадо, С. Довлатова и др.), так и более общих вопросов общественной и культурной жизни русского Зарубежья в Германии, Франции, Латвии, Эстонии. Две статьи посвящены проблемам эстонской эмигрантской литературы.

Сборник предназначен для историков, филологов, культурологов и всех тех, кто интересуется культурой русского Зарубежья.

УДК 7.01
ББК 71.4(3)

ISBN 978-5-9765-2370-8 (ФЛИНТА)
ISBN 978-5-02-038915-1 (Наука)

© Издательство «ФЛИНТА», 2015

«НЕСВОЕВРЕМЕННАЯ РОКИРОВКА»: А. РЕМИЗОВ ГЛАЗАМИ В. НАБОКОВА

С. Н. Доценко (Таллин)

Рокировка – это ход короля
(Словарь шахматных терминов)

В романе В. Набокова «Смотри на арлекинов!» (1974) есть следующий фрагмент: «По вечерам мне волей-неволей приходилось спускаться вниз для участия в частных сборищах литературных и политических персонажей, происходивших в пышном салоне или в обеденной зале с ее огромным, долгим столом и масляным портретом en pied юного сына Степановых, который погиб в 1920-м при попытке спасти тонущего одноклассника. Сюда частенько заглядывал близорукий, грубовато жовиальный Александр Керенский, отрывисто вздевавший монокль, чтобы разглядеть чужака или поприветствовать старого друга всегда готовой колкостью, произносимой скрипучим голосом, сила которого большей частью сгинула многие годы тому в реве революции. Бывал здесь и *Иван Шипоградов, отменный романист и недавний Нобелевский призер* <здесь и везде далее курсив – мой. – С. Д.>, излучавший обаяние и одаренность, а после нескольких стопочек водки тешивший закадычных друзей какой-нибудь русской похабной байкой, вся художественность которой держится на деревенской смачности и на нежном уважении, с которыми в ней трактуются самые наши укромные органы. Фигурой куда менее привлекательной был *старинный соперник И. А. Шипоградова, щуплый человек в обвислом костюме, Василий Соколовский* (странно прозванный И. А. «**Иеремией**»), который с начала столетия посвящал том за томом мистической и общественной

истории украинского клана, основанного в шестнадцатом веке скромной семьей из трех человек, но к тому шестому (1920-й) ставшего целым селом, обильным мифологией и фольклором»¹.

О. Ронен предложил, как нам представляется, довольно фантастическую (и более чем спорную) версию того, кто у Набокова скрывается за образами Ивана Шипоградова и Василия Соколовского: «Так, в имени и образе Ивана Алексеевича Шипоградова Торнтон Уайлдер (thorn ‘шип’; < – ton town ‘город’) превращается в русского эмигранта, лауреата Нобелевской премии; Соколовский (по прозвищу Иеремия) сочетает провинциальный мифологизм семейных хроник Фолкнера с мистикой историко-религиозных романов Мережковского (falcon ‘сокол’, **Jeremiah – Merejkovsky**) <...>².

Представляется, что все гораздо проще. Начнем с Ивана Шипоградова. Приметы его более чем прозрачны: «нобелевский призер» – это, бесспорно, И. А. Бунин³. Указание на то, что Шипоградов тешил «друзей какой-нибудь русской похабной байкой», восходит к личному впечатлению Набокова от встречи с Буниным в январе 1936 г. в Париже. В письме жене от 30 янв. 1936 г. Набоков подробно описал эту встречу с Буниным: «С Gare du Nord я поехал на av. De Vesailles посредством метро, так

1 Набоков В. В. Собр. соч. амер. периода: В 5 т. СПб., 1999. Т. 5. С. 164–165. Тема «Набоков и Ремизов» уже становилась предметом исследования в ст.: Безродный М. Супруги Комаровы: Заметка на полях «Пнина» // Cahiers du monde russe et soviétique. 1990. Octobre-Décembre. Vol. 31. № 4. P. 625–628; Блищ Н. Образ А. Ремизова в творчестве В. Набокова-Сирина // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Т. I. С. 195–200.

2 Ронен О. Исторический модернизм, художественное новаторство и мифотворчество в системе оценок Владимира Набокова // Philologica. 2001/2002. Vol. 7. № 17/18. С. 249 (жирный шрифт принадлежит О. Ронену). Добавим также, что «этимология» фамилии Шипоградов, предложенная О. Роненом, выглядит явным домислом. В статье А. Бабикова (см.: Бабинов А. Лица и маски в романе Набокова «Взгляни на арлекинов!» // Звезда. 2015. № 1 – <http://magazines.russ.ru/zvezda/2015/1/12bib.html>) эта спорная догадка О. Ронена принимается как вполне убедительная. Но мы полагаем, что объяснение фамилии Шипоградов надо искать в творчестве самого И. Бунина. И тогда вероятней будет такая гипотеза: фамилия Шипоградов содержит два мотива, «шип» и «град (город)». Первый мотив отсылает к теме шипов розы или тернового венца. Терновый венец, в свою очередь, вызывает ассоциацию с распятием и страстями Христовыми, от которых смысловая нить ведет к образу св. Франциска Ассизского, первого святого, у которого в 1224 г. проявились стигматы. А образ св. Франциска Ассизского (по закону ребуса-загадки) должен напомнить рассказ И. Бунина «Господин из Сан-Франциско», название которого содержит одновременно отсылку как к городу (граду), так и к образу св. Франциска. В свою очередь, мотив шипов заставляет вспомнить цветковые растения (как розу, так и шиповник) и, следовательно, название книги легенд о чудесах св. Франциска – «Цветочки Святого Франциска Ассизского». Таким образом, пародийная фамилия Шипоградов указывает на автора рассказа «Господин из Сан-Франциско».

3 1 апр. 1939 г. Бунин подписал составленное Набоковым рекомендательное письмо: «Ivan Bunin, Prix Nobel 1933» (см.: Шрайер М. Набоков: Темы и вариации. СПб., 2000. С. 168).

что прибыл с моими постепенно каменеющими и мрачневшими чемоданами в полном изнеможении. <...> Здесь мне дали комнату в прекрасной квартире. <...> Только я начал раскладываться (было около половины восьмого) явился в нос говорящий Бунин и несмотря на ужасное мое сопротивление “потасил обедать” к Корнилову (ресторан такой). Сначала у нас совершенно не клеился разговор, кажется, главным образом из-за меня, я был устал и зол, и меня раздражало все, и его манера заказывать рябчика, и каждая интонация, и похабные шуточки, и нарочитое подобострастие лакеев, так что он потом Алданову жаловался, что я все время думал о другом»⁴.

Об этой встрече с Буниным Набоков вспоминал также в кн. «Память, говори»: «Он наслаждался только что полученной Нобелевской премией и, помнится, пригласил меня в какой-то дорогой и модный парижский ресторан для задушевной беседы. К сожалению, я не терплю ресторанов и кафэ, особенно парижских – толпы, спешащих лакеев, цыган, вермутных смесей, кофе, закусок, слоняющихся от стола к столу музыкантов и тому подобного <...> Задушевные разговоры, исповеди на Достоевский манер тоже не по моей части. Бунин, подвижный пожилой господин с богатым и нецеломудренным словарем, был озадачен моим равнодушием к рябчику, которого я достаточно напробоваюсь в детстве, и раздражен моим отказом разговаривать на эсхатологические темы»⁵.

Что касается Василия Соколовского, «старинного соперника» Шипоградова, то комментатор С. Ильин полагает, что под Соколовским разумеется Д. С. Мережковский: «Данное Соколовскому Шипоградовым прозвище Иеремия содержит перевертыш первых четырех букв фамилии Мережковского, кроме того, в воспоминаниях парижских эмигрантов упоминается его “борода библейского пророка”»⁶.

Это утверждение тоже вызывает сомнение. В образе писателя *Василия Соколовского*, скорее всего, мы сталкиваемся у Набокова с карикатурой не на Д. Мережковского, а на А. Ремизова, который в 1933 г. напечатал две заметки под псевдонимом

4 Цит. по: Шрайер М. Указ. Соч. С. 160.

5 Набоков В. В. Собр. соч. амер. периода: В 5 т. СПб., 1999. Т. 5. С. 563.

6 Там же. С. 637.

«В. Куковников»⁷. Баснописец Куковников стал одним из героев рассказа Ремизова «Шиш еловый» (1933)⁸: «Василий Петрович Куковников не писатель, он лишь в “рассеянии сущий”, с Берлина басни пишет – с Берлина и пошло ему название “баснописец” – Fabeldichter aus Tiergarten или просто “Kalenderdichter”. А впервые и единственный раз напечатали его в Париже, но с такими несуразными опечатками, а главное с пропуском строчек по соображениям типографским, ввиду экономии места, что и сам он, читая свое, никак не может добраться до смысла, а запраторив черновик, не может восстановить оригинал. Куковников – книжник, любитель книжного почитания, неисповедимо очутившийся за границей: все книжники Куковниковского склада улитки или черепахи – малоподвижны, живут, где повелось и сживаются со своими книгами неотрывно – покинуть книги им все равно, что дать отсечь себе руку или выколоть глаз, нет, больше, они согласятся и на отсечение и на потерю глаза, лишь бы оставили с ними книги»⁹.

Более чем вероятно, что Набоков без особого труда раскрыл загадку этого псевдонима Ремизова и решил иронически обыграть его «птичью» семантику: *Куковников* превратился у него (при сохранении имени «Василий»)¹⁰ в *Соколовского* по принципу смыслового контраста: ведь фамилия Куковников восходит к непрезентабельной *кукушке*, тогда как фамилия *Соколовский* – к более благородному *соколу*. Не исключено, что Набоков помнил и ремизовское осмысление образа птички *ремез* из семейства воробьиных, которое встречается в автобиографической книге Ремизова «Подстриженными глазами» (Париж, 1951): «Если бы читали Потемню, его исследование малороссийских коля-

7 См.: *Куковников В.* <Ремизов А. М.> Рукописи и рисунки А. Ремизова // Числа. Париж, 1933. № 9. С. 191–194; *Куковников В.* Выставка рисунков писателей // Последние новости. Париж, 1933. 30 дек. А еще ранее, в 1931 г., Ремизов опубликовал в «Новой газете» статью «Щуп и цапля» под псевдонимом «баснописец В. Куковников». См.: <Ремизов А. М.> Щуп и цапля: Дела литературно-семейные. Под ред. баснописца Василия Куковникова // Новая газета. Париж, 1931. № 1.

8 Впервые опубликовано: *Ремизов А.* Шиш еловый // Числа. 1933. № 9. С. 57–88.

9 Цит. по: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2002. Т. 9: Учитель музыки: Каторжная идиллия. С. 304.

10 Имя Василий, обозначенное в псевдониме литерой В. (В. Куковников), раскрывается самим А. Ремизовым в главах кн. «Учитель музыки», которые печатались в парижской эмигрантской периодике в нач. 1930-х годов. Например, «баснописец» Василий Петрович Куковников появился в рассказе «Три желания», который был напечатан в журн. «Современные записки» (1931. № 47. С. 65–85). См. также: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2002. Т. 9. С. 151, 152.

док, сразу бы и головы не ломая догадались, откуда у меня “конструктивные” способности и призвание к уборке <...> безошибочно определили бы источник моей “хозяйственности” или говоря песенно: уменью “гнездо вить” <...>. У Потебни приводятся древние “колядки” и все с неизменным с половецких степей навеянным ковылевым тайным: “Святой вечер!” – величание одаряющей счастьем чудесной птички и ее мастерству вить гнездо по-особенному, а имя этой птички “*ремез*”, – вот от нее-то я и веду свою фамилию. А ведь известно, прозвища даются не зря <...>»¹¹.

На Ремизова указывает, без сомнения, и другая аллюзия: Василий Соколовский «посвящал том за томом мистической и общественной истории украинского клана, основанного в шестнадцатом веке скромной семьей из трех человек, но к тому шестому (1920-й) ставшего целым *селом, обильным мифологией и фольклором*». Дело в том, что жена Ремизова, С. П. Ремизова-Довгелло, по одной линии происходила из литовского рода Довгелло-Задора, а по другой ее предком был украинский гетман Иван Самойлович. Имение семьи С. П. Довгелло находилось в селе Берестовец Борзенского уезда Полтавской губернии, отсюда у Набокова – «история *украинского клана, основанного в шестнадцатом веке*». В книгах Ремизова «В поле блакитном» (Берлин, 1922) и «Оля» (Париж, 1927), основанных на воспоминаниях С. П. Ремизовой-Довгелло, рассказывалось о происхождении рода Довгелло. А село, «обильное мифологией и фольклором», возникло, вероятно, как контаминация украинских корней С. П. Ремизовой-Довгелло и интереса писателя А. Ремизова к фольклору и мифологии (в том числе – к украинскому фольклору)¹².

Еще одно соображение в пользу версии с Ремизовым заключается в следующем. Особняк *Степана Ивановича Степанова*, где герой «Смотри на арлекинов!» встречает и Керенского, и романиста Шипоградова, и Соколовского, – это просторная

11 Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 199. См. также в автобиографич. очерке «Алексей Ремизов о себе» (1923): «Фамилия моя происходит от колядной птицы ремеза, а не от глагола» (Алексей Ремизов о себе // Россия. М., 1923. № 6. С. 25).

12 Об этой аллюзии Набокова см.: Блиц Н. Образ А. Ремизова в творчестве В. Набокова-Сирина // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Т. I. С. 198.

квартира одного из редакторов журн. «Современные записки» И. И. Фондаминского, в которой Набоков останавливался во время своих приездов в Париж. Но с «Современными записками» сотрудничал и Ремизов в 1920–30-е годы¹³. Причем к сотрудничеству с ними Ремизова привлек еще в 1921 г. именно И. И. Фондаминский, один из 5 соредкторов журнала¹⁴.

Сложнее объяснить именование Василия Соколовского *Иеремией*, каковое приписано в книге Набокова писателю Ивану Шипоградову. За именем Ивана Шипоградова, как очевидно, скрывается И. А. Бунин (на что указывают как имя «Иван», так и инициалы «И. А.»). Не приходится сомневаться в том, что Набоков знал о скрытом литературном соперничестве Бунина и Ремизова в русском Париже 1920–30-х годов (отсюда – аттестация Соколовского как «старинного соперника»). Но почему пародийному Бунину надо именовать пародийного же Ремизова *Иеремией*? Полагаем, что в данном случае Набоков пытался дать не столько бунинский взгляд на Ремизова, сколько свой собственный, и тогда прозвище *Иеремия* – это скорей набокowska характеристика Ремизова, нежели бунинская.

Для Набокова Ремизов был памятен как писатель, увлекавшийся стилизациями и переложениями апокрифических легенд, о чем свидетельствует его раздражительная рецензия на опубликованные в «Современных записках» ремизовские «Московские любимые легенды»: «Засим, – “Московские любимые легенды”».

13 См.: «Ведь и вправду: мое литературное бытие – курам на смех»: А. М. Ремизов / Публ., вступит. ст. и прим. А. А. Данилевского и С. Н. Доценко // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из арх. ред. / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2014. Т. 4. С. 431–523.

14 См. письмо И. Фондаминского А. Ремизову от 6 окт. 1921 г.: «Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, я дал две телеграммы Влад. Мих. Зензинову в Ревель с просьбой прислать Вашу большую повесть. Он ответил, что Ваша повесть где-то затеряна. Теперь мы прослышали, что Вы в Берлине и очень просим Вас нас не забывать. Как только Ваша повесть будет выручена, пришлите, пожалуйста, нам. Мы Вам ответим очень скоро и надеемся, что повесть пойдет в журнал; а потом Вы сумеете издать отдельно. Если у Вас имеются небольшие вещи, просим Вас тоже прислать. Очень счастливы, что Вы вырвались от большевиков и сохранились для России. Передайте привет Вашей жене. Если Вы помните, Вы и Ваша жена были у нас в Париже много лет тому назад. Шлю сердечный привет. И. Фондаминский» («Ведь и вправду: мое литературное бытие – курам на смех»: А. М. Ремизов. С. 451). Об умении и таланте И. И. Фондаминского привлекать к участию в «Современных записках» знаменитых и просто известных писателей русской эмиграции (особенно на стадии создания и становления журнала) вспоминал М. Вишняк: «Так или иначе – личным ли обаянием или рассчитанным воздействием на честолюбие и другие черты характера собеседника, но Фондаминскому почти всегда удавалось заполучить нужных и желательных “Современным запискам” авторов. А задача эта была нелегкая особенно в первое время и, главным образом, для отдела художественной прозы» (Вишняк М. В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 74–75).

Поклонников Ремизова эти легенды (о Николае и его чудесах), вероятно, приведут в восторг; обыкновенному же читателю будет скучновато. Нельзя безнаказанно писать о чудесах: чудесное испаряется. Механическое появление чудотворца Николая, особенно во время кораблекрушения (в новой книге Ремизова “Три серпа”, издательство “Таир”, Париж, – корабль тонет чуть ли не на каждой странице), утомляет и читателя, и чудотворца. Неутомим только сам Ремизов. Нарочитая наивность этих легенд так раздражает, что иное меткое слово автора как-то даром пропадает, теряется в общем докучном узоре. И что уже вовсе неприемлемо – это анахронизмы. Прелесть анахронизмов, встречающихся в древних апокрифах, – заключается в том, что они естественны; там нехитрое воображение преломляет незнакомое в знакомые образы, превращает пальму в березу. Ремизов же щеголяет сознательными анахронизмами, на фоне древнего быта, для изображения которого потребовалось глубокое знание старины – я бы сказал, навык старины. Это несомненное знание и делает его анахронизмы неприятными. Кроме того, в них чувствуется не столько московский быт (как, казалось, должно было быть, судя по заглавию), сколько русский Париж»¹⁵.

А годом ранее Набоков написал довольно резкую рецензию на книгу апокрифов Ремизова «Звезда надзвездная» (1928): «Читая сказания Ремизова, поражаешься их безнадежной пресности, т.е. не находишь в них именно того, что одно может оправдать этот литературный жанр. Не оправданием является и то, что Ремизов, дескать, подражает древним апокрифам, сказаниям калик переходящих. В апокрифе, в легенде есть антикварное очарование, таинственные перспективы древнего мышления, пейзажи, облагороженные далью, символы, которые во время оно были полны благоухания и значений. Надобно какое-то особое вдохновенное воображение, необыкновенное мастерство, чтобы сочинить такие же бесхитростные сказки, какие сочинялись в старину. Ни особого воображения, ни особого мастерства у Ремизова не найдешь. Сказки в этой книге производят впечатление чего-то неу-

15 См.: Сирин В. <Набоков В. В.> <Рец.:> «Современные записки». XXXVII // Руль. Берлин, 1929. 30 янв. № 2486. С. 2 (цит. по: В.В.Набоков: Pro et contra. Личность и твор-во Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1997. С. 27).

стойчивого, безответственного, случайного. Когда автор приводит ряд образов (а рядов, перечислений, описей – хоть отбавляй), не чувствует читатель того внутреннего закона, который, глубже ритма и вернее смысла, определяет количество и качество данных образов»¹⁶. «Тремт ад громом, бурит бурей» – внакидку вяжет автор, – и читатель автоматически прибавляет “огнит огнем”. Автор играет в кубики. Автор играет в перечисления. Автор играет в очень скучную игру. Добро еще, если бы слог Ремизова был безупречен. Но, увы, – какая небрежность, какой случайный подбор слов, какой, подчас, суконный язык...»¹⁷.

Этому взгляду Набокова на Ремизова и его творчество отнюдь не противоречит ремизовская же аттестация его alter ego, Василия Куковникова, – *баснописец*. Если вспомнить, что слово *баснословный* означает в том числе «сказочный», «мифический», «легендарный»¹⁸, то увлечение Ремизова фольклором, мифологией и библейскими апокрифами вполне подпадает под эту дефиницию: он и впрямь *баснописец* и *басноловец*. Само понятие баснословие приложимо и к библейским книгам, следовательно, библейское прозвище (Иеремия) карикатурного «баснописца» Ремизова получает в романе Набокова достаточно логичную мотивировку. Кроме того, именование Ремизова Иеремией может быть объяснено также тем, что одно из наиболее известных произведений Ремизова в годы революции – это «Слово о гибели русской земли» (1917), ассоциировавшееся с библейским «Плачем Иеремии»¹⁹.

Почему именно Иеремия, а не какой либо иной библейский пророк? Возможно, мы имеем дело с очередным набоковским ребусом. Иеремия – *второй* из четырех великих пророков Ветхого Завета (кои шли в следующем порядке: Исаяя, Иеремия, Иезекииль и Даниил). Если верно предположение, что за образом И. А. Шипоградова скрывается И. А. Бунин, «отменный ро-

16 *Сирин В.* <Набоков В. В.> <Рец.:> А. Ремизов. Звезда надзвездная. УМСА. Париж // Руль. 1928. 14 нояб. № 2424. С. 4.

17 Там же. С. 4.

18 См.: «Баснословие ср. сказание о веках доисторических, сказочных; учение о многобожии, о божествах суеверия, мифология; баснословный, мифологический <...>» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. I. С. 53).

19 Пользуемся случаем выразить благодарность А. А. Данилевскому за эту подсказку. См. публ. «Слово о гибели русской земли»: Россия в слове. Литер. прил. № 1 к газ. «Воля народа». 1917. 28 нояб. С. 2 (под загл. «Слово о гибели земли русской»); Скифы. Пг., 1918. Сб. 2. С. 194–200; *Ремизов А.* Взвихренная Русь. Париж, 1927. С. 180–189 (в составе гл. «Москва»); см. также: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 5: Взвихренная Русь. С. 404–410.

манист и недавний Нобелевский призер», то ему и положена слава *первого* писателя русской эмиграции, в то время как Ремизову – разве что репутация *второго* писателя (иными словами, *второстепенного*)²⁰. То, что в литературном соперничестве Бунина и Ремизова большинство современников отдавало пальму первенства Бунину, было хорошо известно Набокову. Свой статус якобы второстепенного писателя, уступающего пальму первенства Бунину, не без иронии обыгрывал и сам Ремизов. В письме Н. Кодрянской от 17 июля 1947 г. Ремизов сообщал о визите Бунина: «Я его успокоил: меня зачислят в классики, но это только (так надо думать) после моей смерти, а он <уже> зачислен»²¹. В то же примерно время Ремизов позволял себе провокативные мистификации по поводу того, кто из русских писателей на самом деле будет признан «классиком». К числу таких мистификаций нужно отнести, видимо, следующий эпизод. 19 апр. 1949 г. Н. Тэффи сообщила в письме И. Бунину: «Ремизов сказал по секрету Пантелею <Б. Г. Пантелеймонову>, что он, Ремизов, признан в России классиком. Он сейчас правит Пушкина»²².

Антагонизм Ремизова и Бунина отмечал и Н. Струве: «Бунин и Ремизов составляют классическую литературную пару, как Толстой и Достоевский, Блок и Гумилев, основанную на общности судьбы и крайней противоположности писательских темпераментов. <...> Друг друга не любили, не понимали – да и читатели до сих пор делятся: кто за классика Бунина, кто за причудливого и фантастического Ремизова»²³.

Эта расстановка 2-х известных писателей помогает объяснить несколько загадочное рассуждение Набокова в книге «Другие

20 Кроме того, только имя второго пророка позволяет паронимически обыграть сходство этих двух имен: *Ремизов* – *Иеремия*. О каламбурах и анаграммах в текстах В. Набокова см. также: Долинин А. А. О некоторых анаграммах в творчестве Владимира Набокова // *Культура русской диаспоры: Владимир Набоков 100*. Таллинн, 2000. С. 99–107; *Егорова Е. В.* Игра слов в романе В. В. Набокова «Отчаяние» // *Русская речь*. М., 2012. № 2. С. 14–20; № 3. С. 26–35.

21 *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 48.

22 Переписка Тэффи с И. А. и В. Н. Буниными. 1948–1952 / Публ. Р. Дэвиса и Э. Хайбер // *Диаспора: Нов. мат.-лы. Вып. III*. Париж; СПб., 2002. С. 585.

23 *Струве Н.* Встречи с писателями: Ремизов. Бунин // *Струве Н.* Православие и культура. М., 1992. С. 245. О противостоянии «двух первых прозаиков первой эмиграции» см. также: Цивьян Т. К стратегии сохранения русского языка в диаспоре: «Случай Ремизова» // *Русская культура XX века: Метрополия и диаспора / Блоковский сб. XIII*. Тарту, 1996. С. 119–120; Доценко С. А. Ремизов и И. Бунин: Что скрывается за антагонизмом двух писателей? // *Зарубежная Россия 1917–1939: Сб. ст.* СПб., 2003. Кн. 2. С. 342–345. *Данилевский А. А.* Как сделаны «Правила игры» Михаила Иванникова // *Диаспора: Нов. мат.-лы. Вып. IX*. Париж; СПб., 2007. С. 286–288.

берега»: «Ремизова, необыкновенной наружностью напоминавшего мне шахматную ладью после несвоевременной рокировки, я почему-то встречал только во французских кругах, на скучнейших сборищах *Nouvelle Revue Française*, и раз Paulhan зазвал его и меня на загородную дачу какого-то мецената, одного из тех несчастных дойных господ, которые, чтоб печататься, должны платить да платить»²⁴.

Почему Набоков сравнил Ремизова с «шахматной ладьей после несвоевременной рокировки»? Исследовательница Н. Блищ предлагает такую трактовку: «Шахматный двуединый ход рокировки предполагает встречное движение ладьи и короля, в роли которого на эмигрантском “игровом поле” мог выступать только Бунин. “Несвоевременная рокировка” чревата ситуацией беспомощности и ненужности выведенной на центральные поля ладьи, что, с точки зрения Набокова, и символизирует несуразность и нелепость появления Ремизова с его непереводаемым “русским стилем” на литературных “елисейских полях”, то есть в кругу французских интеллектуалов»²⁵.

Эта трактовка содержит как верное (отчасти) наблюдение, так и совершенно неверный в целом вывод. Прежде всего отметим, что в кругу «французских интеллектуалов» Ремизов отнюдь не был «нелепым» или «несуразным», скорее наоборот: литературные эксперименты модерниста Ремизова были вполне созвучны литературным экспериментам французских модернистов-интеллектуалов 1920–30-х годов. В частности, именно в модернистском журн. “*La Nouvelle Revue française*” были напечатаны 14 произведений Ремизова (фрагменты его книг «По карнизам» и «Подстриженными глазами») ²⁶. А в 1958 г. издательство “Gallimard” издало перевод книги Ремизова «Подстриженными глазами»²⁷.

Дешифровка набоковского сравнения Ремизова с ладьей после несвоевременной рокировки аналогична разгадыванию

24 Набоков В. Другие берега: Роман. СПб., 2011. С. 229.

25 Блищ Н. Образ А. Ремизова в творчестве В. Набокова-Сирина. С. 198.

26 См.: Sinany H. Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov / Ét. par H. Sinany. Paris: Inst. d'études slaves, 1978. P. 243.

27 См.: Remizov A. Les Yeux tondu / Trad. par N. Reznikoff. Paris: N.R.F. Gallimard, 1958. Более подробно о публикациях Ремизова во французских изданиях в 1920–30-е годы см.: Обатнина Е. Р. «Магнитные поля»: А. М. Ремизов и французский сюрреализм // Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу 1920–1940. М., 2007. С. 263–275.

шахматных задач, мастером составления которых был, как известно, Набоков²⁸. Скорее всего, его логика здесь такова: в рокировке участвуют король и ладья, из которых несомненное первенство в шахматной игре принадлежит королю. Ладья (как и остальные шахматные фигуры) – фигура *вспомогательная*, своего рода *второстепенная*. Кроме того, нужно помнить, что рокировка в шахматах – это прежде всего *ход короля*, и инициатива в рокировке принадлежит именно королю. Уподобление Ремизова ладье, оказавшейся на неожиданном месте, означает, видимо, следующее: он, Ремизов, не сам определяет свое место в литературе русской эмиграции, а его место определяется кем-то другим, т.е. тем, кто является главной литературной «фигурой» (королем). Но кто, по мнению Набокова, мог быть в 1920–30-е годы своего рода *королем* русской эмигрантской литературы? Первая напрашивающаяся фигура – это И. Бунин.

Другой аспект набоковской шахматной аналогии состоит в следующем: речь идет о *неожиданной* рокировке, что является аллюзией на возможную литературную ситуацию нач. 1930-х годов, когда книги Ремизова практически перестали печататься эмигрантские издательства, да и на страницах «Современных записок» произведения Ремизова с 1928 г. появляются все реже, а в некоторые годы не появляются вовсе²⁹. Это дало Ремизову повод заметить, не без некоторой обиды, в письме М. Вишняку от 3 марта 1931 г. (после того, как 9 выпусков журнала вышли без ремизовских произведений): «Кроме того, обращаю Ваше внимание, что с 1928 г. (с XXXIV) я перестал существовать в “С <овременных> з <аписках>”. По крайней мере, читатели так решили <...>»³⁰.

В свою очередь, именно в тот период, когда имя Ремизова почти исчезает со страниц «Современных записок», одним из са-

28 См.: «В продолжение двадцати лет эмигрантской жизни в Европе я посвящал чудовищное количество времени составлению шахматных задач» (Набоков В. Другие берега. С. 230–231).

29 Если посмотреть на статистику публикаций произведений Ремизова в «Современных записках», то картина выглядит так: за 1922 г. – 3 публикации (№ 9, 12, 13), за 1925–4 (№ 23–26), за 1926–1 (№ 27), за 1927–1 (№ 30), за 1928–1 (№ 37), за 1931–1 (№ 47), за 1932–1 (№ 50), за 1933–1 (№ 51), за 1936–1 (№ 61), за 1937–1 (№ 64), за 1938–1 (№ 66). В 1923–1924, 1929–1930 и в 1934–1935 гг. произведения Ремизова в «Современных записках» не публиковались.

30 «Ведь и вправду: мое литературное бытие – курам на смех»: А. М. Ремизов. С. 488.

мых печатаемых авторов журнала становится В. Набоков³¹. Несвоевременная рокировка, по сути дела, означает следующее: Ремизов, оказавшийся удаленным и / или вытесненным из русской эмигрантской периодики другими авторами (в том числе Набоковым), вынужден искать возможность заработка «во французских кругах», где его и встречал Набоков (напр., в редакции журн. “Nouvelle Revue Française”).

Набоков невысоко оценивал Ремизова как писателя, о чем свидетельствуют не только две его рецензии на книги Ремизова, но также слова Набокова, которые приводит Э. Филд: «Некоторые ставили Ремизова на один уровень с Буниным, но Набоков так не считал. “Он питал ко мне отвращение. Мы были очень вежливы по отношению друг к другу... Единственное, что было в нем приятно, так это то, что он действительно жил литературой”. Набоков иногда встречал его в редакциях французских журналов. Как-то раз Набоков разговаривал с Джойсом в редакции *Nouvelle Revue Française*, и Джойс у него спросил, знаком ли тот с Ремизовым. “Да, знаком, да. А почему вы спрашиваете?” – ответил Набоков в недоумении, которое он быстро поборо. “Джойс, понимаете ли, думал, что Ремизов был значимым писателем!!” Но ни Набоков, ни его жена как будто не слышали положительных отзывов о произведениях Ремизова. Предполагаю, что дело тут было не только в литературном предпочтении, однако причина такой устоявшейся затаенной зависти никогда не объяснялась»³².

Это свидетельство неприязненного отношения Набокова к Ремизову как писателю (отчасти скрываемого за маской вежливой корректности) тем более важно, что оно относится к более позднему периоду жизни Набокова, т.е. к тому периоду, когда карикатурный образ Ремизова появился на страницах романов «Другие берега» (1953), «Пнин» (1957), «Смотри на арлекинов!» (1974). Кроме того, в этой реплике Набокова о Ремизове примечательны несколько нюансов. Во-первых, констатация того, что Ремизов «питал отвращение» к Набокову-писателю, и сам На-

31 В 1920–1929 гг. (39 выпусков) в «Современных записках» были напечатаны 4 произведения Набокова (3 стихотворения, 1 рассказ, «Университетская поэма»), а в 1930–1940 гг. (31 вып.) – 18 произведений (6 романов, 1 повесть, 6 стихотворений, 3 рассказа, статья и рецензия). В данной связи см. также: Шрайер М. Набоков: Темы и вариации. СПб., 2000. С. 159.

32 Field A. The life and art of Vladimir Nabokov. New York, 1986. P. 188.

боков об этом хорошо знал³³. Во-вторых, наблюдение, что Набокова приводила в недоумение сама мысль о том, что кто-то из крупных писателей (напр., Джойс) мог считать Ремизова «значимым писателем». В-третьих, в словах Набокова о Ремизове-писателе мемуарист уловил «устоявшуюся затаенную зависть», причина которой не объяснялась³⁴.

Симптоматично, что Набоков неоднократно вспоминал о Ремизове даже тогда, когда тот уже давно перестал быть литературным соперником Набокова по части известности или популярности. Однако Набоков как бы продолжал скрытое соперничество с Ремизовым-писателем, раз за разом создавая его карикатурно-пародийный образ и в романе «Пнин», и в романе «Смотри на арлекинов!».

Поэтому возможна и другая трактовка набоковского сравнения Ремизова с ладьей после неожиданной рокировки: на рубеже 1920–30-х годов именно молодой писатель В. Набоков выходит на главные позиции в литературе русской эмиграции, вытесняя более известных писателей старшего поколения (И. Бунина, И. Шмелева, А. Ремизова, Д. Мережковского, Б. Зайцева), и тогда король в описанной выше рокировке – это уже сам В. Набоков, оттеснивший на второй план А. Ремизова как писателя.

33 Это подтверждается мемуаром В. Яновского: «О “Воспоминаниях” Бунина часто отзывались с возмущением... В самом деле, ни к одному из своих современников он не отнесся с участием (одно исключение, кажется, Эртель). Но то же самое проделывал и Ремизов: всех разносил, ругал и порицал. С той разницей, конечно, что был он типичным неудачником, без Нобелевских медалей, и ему должно прощать известную долю завистливой горечи. Все писатели, разумеется, не знают русского языка и берутся не за свое дело... Особенно доставалось тем, кому хоть немного везло, – Бунину, Сирину. Ремизов хватал очередную книжку “Современных записок”, где тогда без перебора, из номера в номер печатался Сиринов, и, читая вслух старательно подчеркнутую фразу, например, “От стихов она требовала ямщик-не-го-ни-лошадиного...”, возмущенно жаловался:

– Вот давно избитое выражение “цыганщина”, “романс” он заменяет строкой из пошлой песни и думает, что состряпал нечто новое! А все потому, что берутся не за свое дело» (Яновский В. Поля Елисейские: Кн. памяти. СПб., 1993. С. 189).

34 Как полагает Е. Обатнина, неприязненное отношение В. Набокова к А. Ремизову могло возникнуть после скандальной истории с рецензией Набокова на книгу Ремизова «Звезда надзвездная»: за Ремизова вступился его близкий знакомый Н. Зарецкий, который на собрании берлинского Клуба поэтов выступил в присутствии В. Набокова с нелицеприятной для последнего речью. Кульминацию этого собрания Н. Зарецкий описал в письме Ремизову от 31 дек. 1928 г.: Набоков «встает и, обращаясь ко мне, говорит: “Я оскорблен”, и далее, сказав мне дерзость, торопливо уходит» (цит. по: Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 259).